

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО МУЗЫКИ

После долгой, без малого пятимесячной разлуки встреча с симфоническим оркестром радостно волнует. Так ждешь свидания с давним другом, с которым не всегда и не во всем согласен, который иногда огорчает, но без которого жизни своей не мыслишь.

На этот раз долгожданная встреча совпала с ответственным этапом в творческой жизни коллектива – смотром-конкурсом профессиональных симфонических оркестров РСФСР. Когда в зале рядом с тобой представительное жюри – заслуженный артист РСФСР, доцент А. Корнеев, главный специалист Министерства культуры республики В. Власов, неоднократно выступавший с нашим оркестром, хорошо знающий его «изнутри», видный советский дирижер Ю. Николаевский, – невольно становишься не просто слушателем, но и заинтересованным болельщиком, от души желая «своему» оркестру удачи. Многочисленная аудитория, собравшаяся в большом зале Окружного Дома офицеров, была единодушной в оценке: ростовский симфонический на подъеме.

Напомним, что первый тур конкурса, в котором состязались более 20 коллективов, проходил весной. Успешное выступление нашего оркестра обеспечило ему, наряду с восемью другими, путевку на следующий этап соревнований. Третий тур – весной 1984 года в Москве.

Ко второму туру оркестр подготовил две программы. В первом концерте прозвучали Пятая симфония Чайковского, Второй фортепианный концерт Хренникова (солист – лауреат международных конкурсов Б. Петров) и «Озорные частушки» – концерт для большого симфонического оркестра Щедрина. Во втором – он и стал официальным открытием сезона – Торжественная увертюра Щедрина, Второй концерт Рахманинова (солист – лауреат международного конкурса Е. Могилевский) и Пятая симфония Канчели. Со вступительным словом выступал музыковед Е. Уринсон. Постоянный участник симфонических концертов, он один из тех, кто по праву разделяет сегодня успех филармонического оркестра.

Пятая симфония Чайковского включена организаторами конкурса в список обязательных произведений. И это не случайно. В богатейшем мировом симфоническом наследии она выделяется, помимо таких неотъемлемых для жанра качеств как масштабность и глубина художественного замысла, принципиальной неоднозначностью идейно-образного содержания. Созданная около ста лет назад, для исполнителей и слушателей она и сегодня – симфония-загадка, симфония-сфинкс. Как толковать мажорное, величаво-приподнятое звучание в финале музыкальной темы, поначалу, во вступлении к симфонии, окрашенной в сумрачные, скорбные тона и характеризующей, по словам композитора, «полнейшее преклонение перед судьбой»? Что это: «торжество

утверждающей себя злой силы» или «победа преодоления» (цитирую авторитетные музыковедческие труды)?

Понятно, насколько весомой становится в таких случаях точка зрения интерпретатора. От нее зависят не детали концепции, но ее суть. Трактовка, предложенная художественным руководителем и главным дирижером оркестра, заслуженным артистом РСФСР С. Коганом, оптимистична. С отдельными составляющими такого исполнительского замысла можно полемизировать. Мне, например, показалась недостаточно рельефно прочерченной сквозная в симфонии линия образов «рока». Они могли бы быть жестче, собраннее, «страшнее» – тогда и центральный драматургический конфликт достиг бы большей трагической высоты. Ускорение темпа финала в принципе правомерно. Вероятно, дирижер хотел этим подчеркнуть стихийно-животворящее жизненное начало. Но не чрезмерно ли? Не утратились ли частично тяжеловесность и мощь, присущие этой музыке?

Однако это, повторю, вопросы интерпретации – здесь музыканты не часто сходятся во мнениях. Что же касается качества звучания оркестра – и в массивных тутти, и в переключках групп, и в соло, – его послушности воле дирижера, то оно, бесспорно, заслуживает всяческих похвал. Во всем ощущается большой труд и самоотдача, профессиональное мастерство коллектива и его руководителя.

Оркестр показал себя корректным, чутким аккомпаниатором, что и раньше было сильной его стороной. В рецензиях часто говорится: «оркестр выступил достойным партнером солиста». В данном случае надо бы сказать по-другому: солист, в частности, Е. Могилевский, далеко не во всем был достоин своего аккомпаниатора.

Как и год назад, на концерте, открывшем сезон 1982/83 года, всеобщее внимание привлекла симфония Г. Канчели. На сей раз – Пятая. Написанная в 1977 году по заказу двух нью-йоркских издательств, она во многом похожа на другие симфонии грузинского мастера. Те же сжатые масштабы целого, ошеломляющее соседство возвышенно-идеального и нервно-импульсивного, а то и агрессивно-злого. Грандиозные звуковые «обвалы» и звенящая оглушительная тишина. Поразительное умение насытить бездонной выразительностью простейшую интонацию, даже один протянутый звук. Композитору, словно ведом некий секрет, «волшебное слово» – ключ к сердцам слушателей. Музыка Канчели берет в плен с первых тактов и не отпускает до конца. И еще долго после...

Разумеется, все это становится возможным, когда между творцом и тобою – надежный посредник. Способный донести, реализовать задуманное композитором. Вдохнуть жизнь в то, что было его страстью, болью и надеждой, и осталось зашифрованным в черные точки и линии партитуры.

В сравнении со знакомой ростовчанам Четвертой симфонией Канчели, Пятая, посвященная памяти родителей композитора, – произведение трагическое. Здесь силы добра и зла неравны. Завораживающая своей наивной безыскусностью, овеянная дыханием старины мелодия (воспоминания детства? светлый образ ушедших? символ этической чистоты?) проходит сквозь всю симфонию наподобие лейтмотива. И ни разу не допеваётся до конца, гибнет в шквале хаоса и разрушения. Небытию, тлену противостоит лишь благодарная сыновняя память. Родители продолжают жить в своих детях, как человечность былых поколений живет в нас сегодняшних. (Попутно замечу: звучавшая на специально «приготовленном» фортепиано, тема эта в партитуре поручена клавесину. Соответствующим организациям следует приложить все усилия для приобретения инструмента, без которого не обойтись ныне при исполнении как старинной, так и многих произведений современной музыки).

Предстоящий сезон обещает быть по-настоящему интересным. Подобно минувшим годам, нас ожидают встречи с новыми или редко звучащими сочинениями. «Первое исполнение в Ростове» – это примечание будет значиться в афишах едва ли не каждого симфонического вечера. Мы услышим Реквием Габриеля Форе и Магнификат Баха, произведения Мансуряна и Шнитке. Побываем на выступлениях Государственной хоровой капеллы Армении и Ростовского камерного хора, скрипачей И. Бочковой и В. Климова, пианиста Б. Петрушанского, ансамбля народной музыки Д. Покровского.

Ростовская филармония – одна из немногих в стране – уже несколько лет проводит абонементный цикл, адресованный специально студенческой молодежи. Программа абонемента планируется совместно с руководством молодежного музыкального клуба.

Оркестр начинает сезон в отличной творческой форме. Пусть все последующие концерты радуют слушателей так же, как два прошедших. И сердца их, послушные «волшебному слову», распахнутся, чтобы впустить музыку.

Комсомолец. 1983. 20 окт.